

ИЛИ МЫ ВОЛНЕ НЕ РАДЫ?

Борис Вайнер

Каша

На краю деревни нашей,
Не узка, не широка,
Протекает речка Каша,
Луговые берега.

В ней сомы кита не мельче
И дельфина – караси.
Жаба вылезет под вечер –
Просто ноги уноси,

Рак с варягом подерётся –
Выше катера волна,
Лещ в тумане кувыркнётся –
Эхо плещет дотемна,

Всё само заходит в сети,
Всё клюёт без червяка –
Не останутся и дети
Без забитого садка.

В ней у каждого парнишки
Всем повадкам вопреки
За минутку тают шишки,
Отцветают синяки,

И у каждой бабки снулой
На подъём идут дела:
У мосточка сполоснулась –
Молодицею пошла!..

Окунётся путник пеший,
Не отстанет верховой,
Наберёт баклажку леший
И ведёрко домовой –

Краше Каши нет на свете,
Ровни даже не ищи!
Разве только у соседей
Приглядеться к речке Щи?

Ёлочный шар

Хвои запах, дух морозный,
Золотая мишура...
Год кончался високосный,
Веселилась детвора.

Детворе чудес хотелось –
И, дыханье затая,
В шарик новенький гляделась
Прапрабабушка твоя,

И смеялась, и кружила
Мотыльком передо мной:
С отражением дружила,
Как с подружкой озорной.

А потом – за ёлкой ёлка,
Рождество за Рождеством,
Ей за парту – мне на полку,
День за ночью, ночь за днём...

Пожелтел листок похвальный,
Заросла дорожка в сад,
Не такой и я зеркальный,
Как сто лет тому назад.

Мелкой сеточкой покрылось
Прежде ясное стекло,
Затуманилось, забылось
Всё, что пело и цвело.

Век негаданный, нежданный
Словно камень пролетел.
Из семьи моей стеклянной
Я один и уцелел,



Борису Вайнеру – 70

Да и то по тихой тропке
Ухожу теперь в запас:
Вынимают из коробки
Ладно если через раз.

Но какой бы ни был ветхий,
Я пока ещё живой,
Я держусь ещё на ветке,
И покуда я с тобой –

Отчего б не вспомнить деду
Старину на посошок?
Ну давай же, напоследок
Поглядись в меня, дружок!

Индейская легенда

Там, где высятся гордо Скалистые Горы,
Многомудрый шаман возле озера жил.
С юных лет избегал он пустых разговоров,
Но за метким словцом далеко не ходил.
И однажды полночный принёс ему ветер
Повеленье вождя, как берёзовый лист:
«Ты мне нужен, ведун! Выходи на рассвете
И до звёзд перед взором того появишься,

Чья стрела исчезает,
 пронзив небеса,
Чьи леса много дней
 обегаёт лиса,
Чей вигвам достигает
 макушкой луны,
Чьи резвы скакуны,
 а бизоны жирны,
Чьи гремят водопады
 грозой свысока,
Чьи каноэ несёт
 золотая река,
Чья походка легка,
 а рука тяжела,
Чья душа широка,
 словно крылья орла!»

Целый день пробирался смельчак одинокий
Вдаль по тропам глухим, среди роц и болот,
И вождя своего в размышленьях глубоких
У костра увидал, завершая поход.
«Как олень быстроногий, летят мои годы... –
Молвил тот. – Старый друг! Погляди через тьму
И открой мне: что станет причиной Ухода,
Раз уйти навсегда суждено и тому,

Чья стрела исчезает,
 пронзив небеса,
Чьи леса много дней
 обегаёт лиса,
Чей вигвам достигает
 макушкой луны,
Чьи резвы скакуны,
 а бизоны жирны,
Чьи гремят водопады
 грозой свысока,
Чьи каноэ несёт
 золотая река,
Чья походка легка,
 а рука тяжела,



Чья душа широка,
словно крылья орла!»

И ответил провидец: «О воин могучий,
Чья великая слава не знает границ,
Для кого не преграда ни топи, ни кручи,
Перед кем бледнолицые падают ниц,

Чья стрела исчезает,
 пронзив небеса,
Чьи леса много дней
 обегают лиса,
Чей вигвам достигает
 макушкой луны,
Чьи резвы скакуны,
 а бизоны жирны,
Чьи гремят водопады
 грозой свысока,
Чьи каноэ несёт
 золотая река,
Чья походка легка,
 а рука тяжела,
Чья душа широка,
 словно крылья орла.

Я скажу напрямик, ничего не тая:
Я не знаю, как жизнь оборвётся твоя.
Сто путей за предел сопричастны тебе:
И коварный недуг, и змея на тропе,
Тяжкий камень, что с горной вершины падёт,
Злобный гризли, и пропасть, и водоворот,
Боевой томагавк и предателя нож...
Но уверен:
 от скромности
 ты не умрёшь!»

Бродячий борт

Бей тревогу, голодранцы:
Гости к нам по курсу норд!
Зря народ вчера на шканцах
Поминал Бродячий Борт...

От сигнала проку мало,
Как руками ни маши:
Там от юта до штурвала –
Ни одной живой души,

А на трапах и на вантах –
Разве звёзды на просвет,
Да небесной клочья ваты
В перекрестии планет,

Да крылами глухо плещет
Рваный парус на ветру,
Да толкует голос вещей:
«Эта встреча – не к добру!»

То ли буря нас достанет
Посреди лихих широт,
То ли айсберг протаранит,
То ли риф подстережёт,

То ли мель коня стреножит –
Не погибель, так урон...
Только нам себя негоже
Хоронить до похорон.

Или мы дурного знака
Не видали никогда?
Или старый бедолага –
Хуже кракена беда?

Или мы волне не рады?
Или нас нигде не ждут?
Или в лоции как надо
Наш не выверен маршрут?

В вышине Плеяды встали,
Далеки что ад, что рай...
Проходи себе, скиталец!
А вернее – пролетай

Заблудившеюся пулей
В тень из тени через свет,
На бушприте – хвост акулий,
За кормой – бурунный след!

Десять эпитафий

Эпитафия поэту

Увы, немного прожил он.
Его пример – другим угроза.
Лишь для стихов он был рождён,
А наша жизнь – такая проза...

Эпитафия футболисту

Сей нападающий таранный
Был всегда ресторанный
И в ресторанной драке пал –
Поскольку не на тех напал.

На внезапную кончину автора боевиков

Героев множество своих
Отправил на тот свет он.
Боюсь, что кто-нибудь из них
Причастен к смерти этой.

Эпитафия супружеской паре

Здесь похоронены Муж и Жена,
По поговорке – «одна сатана».
Но поговорки порой неточны:
Он и Она были две сатаны.

Памяти радиоведущего

Увы, мы уже не услышимся с ним.
Но пташка в ночи среди сада
Восполнит не хуже напевом своим
Отсутствие видеоряда.

У могилы инопланетянина

Лишь несколько слов на могиле его:
«Бедняга, он был не от мира сего».

Эпитафия туристу

Счастливчик, он опять попал
В места, где прежде не бывал.

Эпитафия дантисту
(с английского)

Здесь погребён упрямый Джон.
Судьбе своей назло
Самим собой заполнил он
Последнее дупло.

Эпитафия сварливой жене
(из Генри Ваттона)

Хозяйка мужа, как пила,
Терзала много дней,
Но вместе с ним она сошла
Однажды в мир теней.

И на день не пережила
Супруга своего...
Ей не по вкусу жизнь была
Ни с ним, ни без него.

Эпитафия каннибалу
(из Джона Мортон)

Здесь каннибал лежит, что обладал
Здоровьем без малейшего изъяна
И яд любой с улыбкой выпивал...
Он умер, съев политикана.

*Окончание
на стр. 221*

